

“Как метели, года просвистели...”

Геннадий Кузнецов

Волновало и всегда будет волновать слово, в котором не игра ума, не его сложнейшие выверты, а простота с ее внутренней теплотой, согревающей сердце читателя. Открываю книгу поэта Александра Раевского “Стеклянная лестница в небо”, изданную в этом году в Кемерове, и с первых страниц окунаюсь в эту самую простоту: здесь и трава растет, и почки на деревьях лопаются, и весенний день солнышком сияет, но такова ткань стихотворения, что все это простое, соединенное вместе, дает картину, которая глубоко запечатлевается и долго не отпускает. Так и стихи поэта: с многими из них ты уже хорошо знаком, но начинаешь читать, и вновь не можешь оторваться. Стихотворение действует магнетически, обладая каким-то особенным свойством, только ему присущим, где слова, нужные именно в данный момент, располагаются и сцепляются так, что подсвечивают друг друга, и даже отдельная строфа начинает светиться:

Кусты засыпанные снегом.

Восторг, слезинка, синева...

Домой, домой! Лошадке пегой

Не в тягость наша кошева.

А. Раевский описывает не отголоски жизни, не второстепенные ее черты, а самый сгусток, ее, выражаясь прозаически, материальную основу, то, без чего все ее ответвления и проявления просто не смогли бы быть. Уже в 16 лет он написал удивительное стихотворение “Гость”, в котором кусок из жизни села выписан пером, достойным зрелого и талантливое мастера, что лишний раз убеждает - поэтом невозможно стать, им надо родиться. На подворье привезли сено, сгружают его и стогуют. Но в том-то вся интрига стихотворения, все искусство поэтическое, что мы этой работы не видим, а лишь догадываемся о ней, чудодейственно ее ощущаем - “в надворье творится хорошее что-то”. Это “что-то” с одной стороны таинственное, а с другой напряженно-волнующее и даже слегка пугающее: “по сугробам, плетням и столбам метались лучи, рокотала машина, от близкого гуда дрожала изба...” А вот и сами творцы хорошего, полные радости и гордости за содеянное, - “фуфайки и шапки кидали на пол, шутили, сорили пырейною остью” и начинали доброе, заслуженное трудом застолье.

А гость - луговая забота людей

Темнел во дворе

Величаво и строго.

Вот он, величественный в своей простоте итог человеческого труда, и красоту его поэт подчеркивает образной и превосходно сделанной концовкой:

И было уютно январской звезде

Дремать на заснеженной темени стога.

Это все из первого раздела книги “Ласковая высь”. А когда бытие стало пригибать эту высь к земле да еще волочь по грязи, то заболела муза Раевского, запечалилась и застонала далеко не ласковыми словами. Но это были не плаксивые, а мужественные слова - в своих стихах поэт не отводит взор от мерзостей и запустений капиталистической действительности, смотрит в упор на нее, не отворачивается от смрада.

Во втором разделе “В краю, простуженном насквозь” в стихотворении “Голуби” речь идет совсем не о голубином - “в просторах забитой России... беспросветным враньем загрязнен, на вражде, на игле да на водке кровью пенится” не только ее горизонт, а вся округа... И все-таки меня как читателя больше привлекают не бичующие прокурорские строки, а те, где поэт судья и ответчик. В них боль и от тягот окружающей жизни, и от собственных промахов и негативных поступков. Вот, к примеру, как он пишет об этом в “Позднем прозрении”:

Вся страна на больничной постели,

Очень грязная эта постель.

Как метели, года просвистели

Или сам их, дурак, просвистел?..

Говоря о своих невзгодах, поэт горестно восклицает: “По сравненью с великою болью, что твоя одинокая боль?” - и не снимает с себя ответственности за гибель великой державы: “Проблукал в облаках и при этом проморгал злые силы во мгле...”

Но в других стихах, помещенных в этом же последнем разделе “Надежды крестик золотой”, чувства поэта как бы оттаивают, и уже не злостью и болью, а “печалью высшей просвечивает” он окружающий мир, и уже проступают в душе мотивы “ласковой выси”, и вновь туманит взгляд береза, “раскинувшись густым шатром, знакомым с детства”, и греет душу “очарованный тракторист”, “и ласково вниз из-за тучи лиловой Отец лучезарно глядит”, и мысли о будущем не мрачные: “Ничего, наше время придет, все наладится, все возродится”. И хотя порой действительность не радует даже в родной Алабуге: у дядьки Андрея “в глазах безнадега”, “Во дворах ни скотин, ни курей, водку ж глытаем часто и много”, но спасение от духовного застоя, от душевной боли поэт ищет все же на родине, в родном с детства доме. Это, так сказать, в бытийном плане, а в творческом? Мне кажется, что Александр Раевский уже прошел путь и обличения, и самобичевания. Людям нужны сейчас не столько указывающие на зло, сколько ищущие добро и помогающие его утверждению в жизни. И вдохновитель тут путь Христа - поселение добра в душах людей. Но на вершинах творчества этот путь - путь созидания - труднейший. Негодовать - просто. Любить и прощать - по нынешним временам близко к подвигу. Но другого пути для искусства, если оно не хочет умереть, видимо, нет.